

Перейдя в начале года на работу в новой должности, я почти сразу же попал в такой жёсткий график командировок, совещаний на выезде и каких-то бесконечных поездок, что мне пришлось забыть не только про домашний отдых по выходным, но и отложить на очень неопределённое время почти все свои личные дела, заботы и проблемы.

И только в конце осени за такое беспросветное трудовое лето «наградило» меня начальство парой отгулов к выходным, и я наконец смог немного отдохнуться и передохнуть.

Переделав в максимально быстром темпе самые неотложные домашние дела, я, собравшись с духом, решился наконец объявить домочадцам о своих планах на грядущие выходные.

Уже много месяцев не встречал я своих старых товарищней, дружба с которыми завязалась ещё в молодости, когда мы в один год приехали по комсомольским путёвкам строить наш завод и город, вместе жили в общежитии, в один год женились и получали новые квартиры в соседних подъездах дома, который сами и построили. Одним автобусом на работу и обратно, праздники по-соседски, выходные — вместе, дети — ровесники. С годами стали мы как будто родными, а тут за полгода ни одной встречи.

И ещё было у нас одно общее увлечение — рыбалка. Сколько лет прошло с нашей первой поездки на реку, уже никто и не вспоминает, но и теперь мы чаще встречаемся на берегу, где можно поговорить спокойно и без суэты обо всём, скоротать ночь у костра в беседе с дружелюбной компанией давних знакомых, а рыба... так ведь не за рыбой ездим, а на рыбалку.

Пока жена громыхает субботней уборкой на кухне, не заметно крадусь с телефонной трубкой на балкон, по памяти набираю первый пришедший на ум номер:

— Палыч? Привет. Да я это, я. Ну куда пропал? Работа. Да знаю, стариk, знаю: суeta всё это,— а что делать-то? Ну ладно, ладно, не ворчи... ты лучше скажи: вы на закрытие сезона когда собираетесь? Сегодня? Ё-моё, так и я с вами, если возьмёте! Да не ругайся ты так, шучу ведь. Во сколько стартуете? А куда? Ну, я попозже подъеду. Место то же? Ну ладно, давай, до вечера.

Ближе к вечеру, наскоро скидав в багажник, запылившийся ещё с прошлого лета, рыбакский нехитрый скарб, я под недовольное ворчание жены всё же вырвался на свободу.

Припозднился, на реку выехал уже в сумерках. Ощущая фарами каждую кочку, осторожно крадусь вдоль берега по разбитой осенней колее. Впереди заблестел костёр, по силуэтам машин в полумраке узнаю: наши. Паркуюсь возле Сашкиной старенькой «шестёрки» — ровесницы нашей дружбы, радостно выпрыгиваю из машины, предусмотрительно прихвативувесистый пакет к столу.

Мужики встали мне навстречу, окружили, жали руку, откровенно и обиженно спрашивали:

— Ты где пропал? Всё лето ни слуху... А мы этот год не плохо порыбачили...

Последним подошёл Палыч, самый старший и уважаемый меж нами:

— Ну наконец-то, нашлась наша пропажа. Совсем ты нас позабыл, парень. На заводе слышал, будто в Москву тебя перевели, мы уж думали — всё, отрыбачил ты своё...

— Да ну,— отмахнулся я.— Чего я в Москве этой не видел? Да и на рыбалку к вам далековато оттуда ездить.

Засмеялись.

— Ну а вообще-то было дело — приглашали, да отказался я.

— Ну и правильно,— Палыч обнял меня за плечо.— Пойдём присядем, за столом оно говорить сподручнее.

Довольный долгожданной встречей, я уселся на предложенный Палычем раскладной рыбакский стульчик и обвёл глазами всю компанию. Как всё же хорошо мне с ними, моими давними друзьями. Добродушные спокойные люди, независтливые и внимательные к словам других, в то же

время молчаливые и неохотно рассказывающие о собственных проблемах. Подняли стаканы за встречу, и вдруг я заметил, нет, скорее почувствовал: кого-то среди нас не хватало.

Окинув взглядом застолье, я понял, кого нет, и, улыбаясь, спросил:

— А Алексей-то где? Алюминщика забыли, что ли?

Мгновенно меж нами повисла какая-то странная, насторожённая тишина. Я недоуменно оглядел друзей и уставился вопросительно на Палыча. Тот, прищурившись, внимательно смотрел на меня.

— Так ты не в курсе, что ли?

Я тихо ответил, почувствовав недобroe:

— Да похоже, что так.

— Так ведь... — Палыч остановился на секунду, словно раздумывая, говорить или нет. — Нету Лёхи-то, скончали мы его, да давненько уже, на неделе вон сороковину отвели.

Я ошеломлённо замер.

— Это как? Что случилось?

— Сердце, — коротко и как-то зло ответил Палыч.

— Сердце? — удивлённо переспросил я и непонимающе уставился на него. — Какое сердце? — не успевая понять, о чём идёт речь, пробормотал я. Затем, спохватившись: — Как сердце? Он же никогда не болел!

Палыч отвёл в сторону глаза и заёрзal на стуле. Кто-то из мужиков, не выдержав, раздражённо выпалил:

— Да расскажи ты ему, свой ведь. Чего воду-то мутить?...

...Молодой весёлый парень Алексей с обычной белорусской фамилией, отслужив срочную в армии, уволился в запас и уехал с родного Полесья в далёкую Сибирь, на великую всесоюзную комсомольскую, как тогда говорили, стройку. Уехал с мыслью только подзаработать денег на жизнь свою молодую, да и вернуться домой через год. Но, как случалось тогда со многими комсомольцами-романтиками, отработав год, решил остаться ещё на один, потом ещё, да так и прикипел к земле этой, остался, прижился, обзавёлся семьёй да всю жизнь так и работал на заводе, на одном месте, за что в шутку и прозвали его меж собой друзья Лёхой-алюминщиком.

И вот прошлый год поселилась в Лёхиной голове неотвязная мысль: обязательно съездить в Москву, посмотреть, как там теперь. Ведь такие перемены везде, а в столице-то, наверное, и подавно. Всех достал Лёха идеей этой своей:

и дома, и на работе, и на рыбалке — все разговоры у него были только о Москве.

Говорили ему, убеждали, что не время сейчас кататься по столицам, в копеечку поездка вылезет, но Алексей упорно стоял на своём и вымутил-вырулил-таки себе поездку в Златоглавую.

Ехать решил дикарём, так дешевле. Выпросился на работе в давно накопленные отгулы, взял неделю в счёт отпуска, через великое заводское начальство забронировал номер попроще в корпоративной столичной гостинице, под занял денег на всякий пожарный, и где-то в конце зимы сбылась мечта Лёхина — уехал он на Москву посмотреть. Потом звонил оттуда пару раз — как ребёнок прямо, взахлёб рассказывал, как там всё красиво да богато...

— Ну вот,— Палыч прикурил и, печально выдохнув дымом, продолжил: — А на обратном пути, в аэропорту уже, или утомился он от этой суэты столичной, или, может, лишнего выпил — чёрт его знает, только задремал турист наш на свежем воздухе на лавочке у аэровокзала, а проснулся — ни чемодана, ни бумажника. Подрезали столичные ловкачи у Лёхи и вещи, и, самое главное, в кошельке билет на самолёт вместе с паспортом. Лёха спросонья пометался возле скамейки, да кого там... Ищи-свищи. Потом сообразил, побежал в отделение милиции...

...Его выслушали, затем милиционеры неторопливо побродили немного по аэропорту, поговорили по рациям своим, да и все дела, как пишут в сводках: задержать по горячим следам преступников не удалось...

Ну, посидел Лёха в отделении, попереживал, а делать то что-то надо. Как назло, в Москве у него — ни души. Но, на его удачу, часа через полтора уборщица нашла в мусорной корзине его паспорт и притащила в милицию.

Менты на транспорте — они тоже опытные: посоветовали Лёхе обратиться в компанию его, по месту, так сказать, работы: «Ты, мужик, съезди к ним в офис, фирма у тебя неслабая, может, как своему работнику, помогут. Должны помочь, по идеи, поезжай». Пожалели они Лёху, дали полтинник на проезд, и попёр он снова в Москву искать офис знаменитой на весь мир, не самой бедной его корпорации. Повезло, успел до конца рабочего дня.

Камуфлированная охрана выслушала его в дверях и предложила посидеть пока в холле на диванчике. Потом

подошёл какой-то сытый мужик, с уже цветным фото на бейдже и в галстуке. Опять поговорили. Затем пришёл «галстук» пошире, на животе — потолще. «Пробили» Лёху по компьютеру — точно, есть такой спец в филиале одном сибирском, даже его фотку на компе показали. В конце концов какая-то строгая столичная дама с гонором экономиста средней руки, посовещавшись с начальством, предложила Алексею такой вариант: здесь и сейчас он авансом получает зарплату за текущий месяц, а дома просто расписывается в ведомости, и всё. У Лёхи отлегло от сердца: лучший вариант сейчас было и не придумать. Дама ушла, а через полчаса в комнату, где Лёху на всякий случай стерёг охранник, вошла дама помоложе и предложила проследовать за ней. Охранник равнодушно поплёлся за ними. Под бронированное стекло кассы Лёхе просунули бумажку и стандартно предложили расписаться. Дрожащей от волнения рукой, ещё не веря до конца в свою удачу, тот стал выводить возле карандашной галочки простецкую подпись и вдруг замер, скосив глаза на строку «Итого». Осмыслив означенную там сумму, Лёха сдавленно икнул и обалдело уставился через прозрачную броню на кассиршу. С трудом подбирая слова, невнятно забормотал: «Так это... мне только за месяц... А это... зачем?.. Мне не надо столько. А потом на что жить весь год?»

По ту сторону брони томно-усталая москвичка подняла на него недовольный бухгалтерский взгляд: «Мужчина, вы распишитесь там, где галочка, получите сколько положено, пересчитайте, не отходя, и не мешайте мне работать».

Лёха снова недоверчиво покосился на сумму, пропечатанную после двоеточия и означающую его почти годовую зарплату, но возражать более не посмел, вспомнив о своём теперешнем непростом положении.

Распихав поглубже переклеенные полосатой лентой крест-накрест пачки, Лёха поехал обратно в аэропорт, шарахаясь от людей и, несмотря на весеннюю теплынь, на глухо затянув молнию под воротник ветровки, где в застёгнутом на пуговку внутреннем кармане лежали паспорт и большая часть полученных денег.

В аэропорту первым делом Алексей прошёл в отделение милиции и вернул с благодарностью полтинник, выделенный ему утром на метро. Рассказал на радостях, как всё удачно у него получилось.

Дежурный, старший лейтенант, одновременно набирая номер на телефоне, улыбаясь, спросил Алексея: «Ты куда летишь?» Потом сказал кому-то в телефонную трубку, не сводя глаз с довольного Лёхи: «Ну выручи, а? Да ладно, буду должен! Надо помочь, понимаешь, один билет на ближайший до...»

Поблагодарив аэропортовских милиционеров за всё, уставший от переживаний, радостный, что всё так удачно для него закончилось, Лёха уже к вечеру следующего дня был дома.

Рассказывая своим друзьям и домашним о московских впечатлениях и приключениях, простодушный работяга Лёха-алюминщик не догадывался и не понимал тогда, что над его головой уже зловеще сгущались тучи, как неотвратимо подкрадывалась к его спокойной, благополучной жизни неожданная беда. Информация о его походе в столичный офис компании дошла до завода ещё быстрее, чем Лёха добрался до дома. Уже в первый рабочий после отпуска день его вызвали в заводоуправление и давай вопросами пытать: мол, ты зачем в Москву ездил, тебя кто надоумил в головной офис появляться, да ты куда... да ты к чему... да кому рассказывал.

В общем, прижало Лёху начальство заводское, крепко прижало. Взяли в оборот мужика, затаскали по кабинетам. А через неделю подсунули уведомление о грядущем сокращении должности и, стало быть, последующем увольнении его с завода. Нашли какой-то закон или указ-приказ, хрен его знает. Да оно, может, и не было никакого закона-указа-приказа, но ты же знаешь тихоню Лёху. Да и вообще, как с такой машиной, как завод, сражаться?

Короче, уволили в начале лета. Эх, не видел ты его тогда, в первые дни. За неделю почернел весь, сгорбился, ходил как тень, глаза в землю. Да и оно понятно, ведь всю жизнь заводу отдал. На Доске почёта хоть и не болтался, а работал честно, лишнего в голову не брал, во что не надо не вникал, куда не нужно не лез, и вот на тебе. В одночасье всё перевернулось и рухнуло.

В общем, где-то недели через две после увольнения запил Лёха, а питок-то он никакой был, сам ведь помнишь. Ну, рюмку-две на рыбалке примет, да и вся его пьянка. А тут почти месяц в «штопоре» был, ну, может, чуть меньше, потом как-то резко и сразу бросил пить, стал вроде отходить уже помаленьку и вдруг внезапно, на третий, кажется, день, умер. Жена рядом была. Говорит, на даче полол грядку, да здесь же и лёг. Даже не ойкнул. Она не сразу и заметила. Врачи сказали:

скончался скоропостижно, обширный инфаркт. И надо же, вот прямо с первого раза — и наповал. Молодой ведь совсем, да и не припомню, чтобы жаловался на сердце когда-нибудь.

Палыч придвинулся поближе и впился в меня своим немигающим жёстким взглядом:

— Ну вот ты самый грамотный из нас, в начальниках ходишь, уважают тебя люди, и есть за что, ты вот скажи: за что мужика в гроб положили, а? Ведь тут дело не в деньгах. Что деньги? Их у честного работяги не было отродясь и не будет никогда, это ясно. Что в Москве нам в зарплату пишут одно, а здесь мы получаем другое — на один ноль меньше, так и это не новость. Дурят нас, да и чёрт с ними, тут уже ничего не изменишь. Ты мне ответь: как можно вот так по людям шагать? За что они Лёху, а? За секреты свои грошевые, суки, олигархи грёбаные? — всегда спокойный и уравновешенный Палыч грязно выругался и с досадой плонул в темноту.

Немного успокоившись, перекинулся взглядом с музыками и снова обратился ко мне:

— Ты вот что, друг, ты по заводу не болтай про разговоры наши. Сам знаешь: если что, где работу потом искать?

Я в ответ зло прошипел сквозь зубы:

— Да ты... ты что несёшь?

Палыч сразу примирительно затараторил:

— Ну ладно, ладно, это я так, к слову, ты не обижайся. Нечасто ведь видимся...

Разговор замер. Где-то совсем рядом, невидимая в близкой темноте, напомнила о себе едва слышным плеском по осеннему притихшая и уже готовая к скорому ледоставу река.

Сидели молча, и каждый думал о том, как трагично и нелепо ушёл от нас наш друг, наш товарищ, тихий и безвредный, простой рабочий человек Лёха-алюминщик. И ведь за что? За что? Но самым горестным и страшным было острое ощущение незащищённости от того, как неожиданно и безвозвратно может рухнуть мир, который каждый из нас всю свою жизнь строит для себя и своих близких. Становилось жутко от понимания, что никто не застрахован от этого в жизни. Никто...

Красноватые слабеющие блики от забытого нами костра тускло отражались в наполненных на треть стаканах, так и не поднятых за встречу, так и не выпитых за дружбу, за удачу и жизнь...